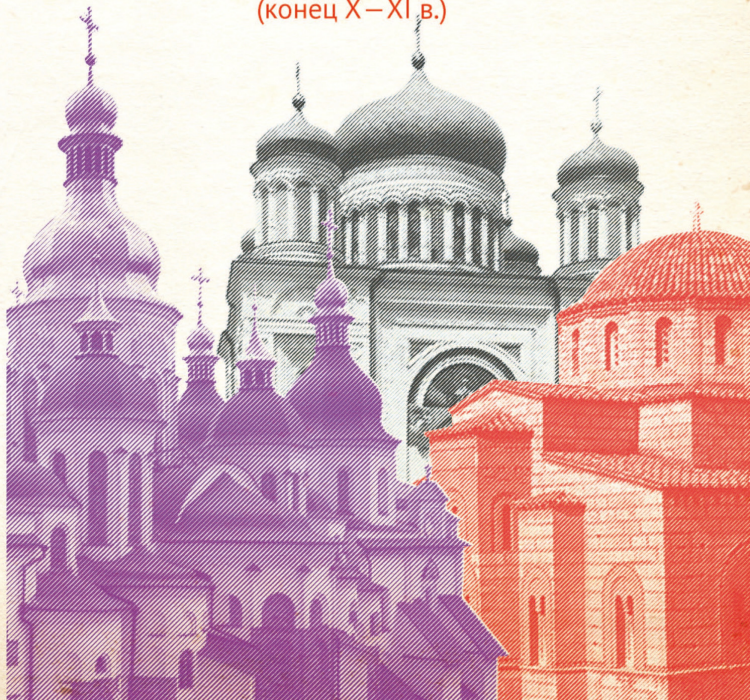

А. П. Кудин

ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЙ СИНТЕЗ В КАМЕННЫХ ХРАМАХ КИЕВА

(конец X — XI в.)

Андрей Павлович Кудин

Византийско-русский

синтез в каменных храмах

Киева (конец X – XI в.)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67790084

Византийско-русский синтез в каменных храмах Киева (конец X – XI в.):

ISBN 978-5-394-02902-8

Аннотация

В книге А. П. Кудина рассматривается один из наиболее острых вопросов истории древнерусской архитектуры домонгольского периода – роль в ее развитии византийской культуры и самостоятельной русской традиции.

Византийское наследие, послужившее важнейшим источником культурного развития Древней Руси, и глубоко самобытная местная художественная школа создали плодотворный синтез и открыли перед русской архитектурой путь самостоятельного развития. Автор, анализируя специфику строительства ранних каменных храмов Киева периода конца X – XI в., показывает, как формируется собственная традиция церковного зодчества в эпоху «империи Рюриковичей». А. П. Кудина в равной степени интересуют как художественные, так и конструктивные решения, как идеологическая основа

произведений архитектуры, так и изменение типов и форм сооружений.

Книга будет полезна и специалистам, и широкому кругу читателей, интересующихся древнерусской архитектурой.

Содержание

Предисловие	6
Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Павлович Кудин
Византийско-русский
синтез в каменных храмах
Киева (конец X – XI в.)

© Кудин А.П., 2017

© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2017

Предисловие

Древнерусское церковное зодчество, деревянное и каменное, – историческая колыбель отечественной архитектуры. Первые рубленые церкви появились на Руси еще до крещения ее князем Владимиром. Так, деревянная христианская церковь в Киеве занесена в летопись 882 года. Чуть позже, параллельно с рублеными, в русских городах и селах стали возводиться храмы из белого камня и красного кирпича. Благодаря своей уникальности, мастерству их создателей древнерусские церкви вошли в мировую архитектуру как прекрасный образец национального искусства. С приходом в государство Российское европейских мастеров русское зодчество, в том числе и религиозное, становится мировым архитектурным наследием. В проектировании храмов находят свое отражение все архитектурные стили, над их возведением в России работают не только отечественные, но и крупнейшие иностранные зодчие. Говорят, что архитектура – это душа народа, воплощенная в камне. К Древней Руси это относится с некоторой поправкой. Долгие годы ее языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. Но после принятия христианства Русь испытала сильное влияние Византии, которая в тот исторический период была одним из самых культурно развитых государств мира. Византия и христианство привнесли на Русь новый строительный

опыт. Отсутствие собственной традиции каменной архитектуры и собственных мастеров обусловило тот факт, что строительство в Киеве оказалось полностью в руках приезжих греческих зодчих. И тем не менее абсолютного совпадения византийских и киевских построек даже в этот период не наблюдается. В дальнейшем здания, возведенные в Киеве, послужили базой для появления собственной архитектурной традиции.

Однако Русь не просто копировала чужие образцы и безоглядно заимствовала их, а применяла к своим культурным традициям и дошедшему из глубины веков народному опыту и представлениям о прекрасном. Поэтому уже в памятниках культуры начальной поры христианства на Руси мы усматриваем русский стиль, глубокую духовную переработку заимствований.

Внимательное изучение «своего» и «чужого» в древнерусской архитектуре, мозаике, фреске, иконописи ясно показывает, что влияния имели характерную особенность: они принимались избирательно. Открытость и синтетичность древнерусской культуры, ее опора на народные истоки и народное восприятие привели к тому, что в мировой истории называют феноменом русской культуры.

Суть и происхождение этого феномена тревожили умы исследователей памятников церковного зодчества с момента зарождения отечественной историко-архитектурной науки. Мнения высказывались самые полярные – от характеристи-

ки архитектуры Киевской Руси как «провинциально-византийской» до взглядов, согласно которым византийское влияние на нее минимально. Сегодня эти крайние точки зрения удалось привести к общему знаменателю, но тем не менее и в настоящее время эта дискуссия не потеряла свою актуальность. В книге А. П. Кудина «Византийско-русский синтез в каменных храмах Киева (конец X – XI в.)» дана детальная оценка значения византийских и собственно русских культурных традиций, во взаимодействии сформировавших своеобразную и неповторимую русскую культуру. Автор сосредоточен на изучении храмовой архитектуры и живописи эпохи становления христианства на Руси.

В центре внимания исследователя храмы Киева, датированные концом X – XI в., также здесь представлены данные по истории храмов, описаны тип, архитектурные формы, декоративные элементы, материал, конструкции, приведены планы памятников, их графические реконструкции. Цветная вклейка удачно иллюстрирует сохранившиеся фрагменты древних сооружений и их современный облик. Автор книги провел большую исследовательскую работу по анализу достижений архитектуры прошлого, сформировавшей наше настоящее. Вместе с тем сегодня в России новые храмы приходится строить, преодолевая почти вековой культурно-исторический разрыв между духовными идеалами прошлого и мировоззрением наших современников. Так, в 1988 году родилась идея строительства храма Живоначальной Троицы в

память великого праздника – 1000-летия Крещения Руси.

Но задуманное пришлось отложить, все силы и средства были брошены на воссоздание храма Христа Спасителя.

И только после его завершения вспомнили проект 12-летней давности. При этом за основу приняли проект в византийском стиле, оказавшем большое влияние на развитие русского церковного зодчества. 19 мая 2004 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II совершил великое освящение храма в честь Троицы Живоначальной и отслужил первую Божественную литургию. Таким образом, был перекинут мостик из прошлого в будущее. И эта культурная преемственность формирует нас как нацию, имеющую историческую память и глубокие духовные традиции.

Убежден, что эта увлекательная книга будет полезна как узким специалистам, так и всем читателям, заинтересованным в изучении своих национальных корней, своей истории и культуры.

*Председатель правления Фонда поддержки
строительства храмов Москвы*

Митрополит Рязанский и Михайловский Марк

Введение

один из наиболее острых вопросов истории древнерусской архитектуры домонгольского периода – о роли в ее развитии византийского влияния. Отдельные исследователи выстраивали общую концепцию развития зодчества Древней Руси в зависимости от того, как они отвечали на этот вопрос. Поэтому вполне естественно, что с первых же шагов отечественной историко-архитектурной науки тема влияния византийского искусства концентрировалась на себе пристальное внимание. По словам одного из ее основоположников, известного зодчего, реставратора, археолога, теоретика и историка отечественного искусства XIX в. Н. В. Султанова, «из всех европейских государств Россия является единственным, которое имеет свою архитектуру, но не имеет ее истории»¹. При этом для исследователей XIX в. «византийский вопрос» решался достаточно просто: «древнейшие памятники древнерусского монументального зодчества строили греки, следовательно, на раннем этапе русская архитектура была провинциально-византийской, а несколько позже на нее стало оказывать влияние также и романское зодчество»².

Однако подобный взгляд мог продержаться, лишь пока

---

¹ Цит. по: *Раннопорт П. А.* Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 10.

² *Раннопорт П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // *Византийский временник*. Т. 45. М., 1984. С. 185.

сами памятники византийского и древнерусского зодчества были плохо исследованы. Постепенно их изучение, по замечанию выдающегося археолога и историка архитектуры П. А. Раппопорта, «совершенно неопровержимо показало, что памятники древнерусской архитектуры даже древнейшего периода далеко не идентичны синхронным им византийским памятникам»³. Естественным образом это привело к появлению совершенно противоположного взгляда, согласно которому роль византийского влияния на развитие древнерусской архитектуры была минимальной. Выдвигалось предположение о том, что превалирующее значение для ее развития имели древние традиции русского деревянного зодчества. В частности, Н. В. Султанов в своем докладе на V Археологическом съезде 1881 г. говорил, что «в каменном церковном зодчестве повторялись приемы деревянной архитектуры»⁴.

Эта концепция вновь возобладала в научной среде в 40–50-е гг. XX в. Даже авторитетный исследователь памятников церковной архитектуры периода Киевской Руси М. К. Каргер, давший резкую и справедливую критику подобных положений, всё же подытожил свои выводы относительно генезиса форм Софийского собора в Киеве достаточно неожиданным образом: «Едва ли можно сомневаться в том, что

---

³ *Раппопорт П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры. С. 185.

⁴ *Султанов Н. В.* Русские шатровые церкви и их соотношение к грузино-армянским пирамидальным покрытиям // Труды V Археологического съезда (Тифлис, 1881). М., 1887. С. 237.

именно под воздействием русского деревянного зодчества и сформировался художественный образ киевского собора, столь необычный для византийской архитектуры»⁵.

В настоящее время обе крайние точки зрения о роли византийской традиции в развитии древнерусской архитектуры полностью отвергнуты. В научной литературе господствует отвечающий фактам объективный подход. Констатируется, что «византийская архитектура сыграла огромную роль в становлении русского монументального зодчества, хотя под влиянием местных условий даже наиболее ранние каменно-кирпичные здания Киевской Руси уже существенно отличались от византийских. В дальнейшем же пути развития русской и византийской архитектуры всё более расходились, что привело в середине – второй половине XII в. к полной переработке византийских форм на Руси»⁶.

Эти положения, историческая достоверность которых не вызывает сомнений, можно найти в работах исследователей как советского периода – В. Н. Лазарева, Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта, А. И. Комеча, Г. К. Вагнера и др., так и современных. Однако подчеркнем, что ни у кого из исследователей не стояла задача специального рассмотрения данной проблемы, о чем справедливо отмечал еще в 1984 г. П. А. Раппопорт. Он указывал на то, что никто «и не пы-

---

⁵ Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. М. – Л., 1961. С. 252.

⁶ Раппопорт П. А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры. С. 185.

тался свести воедино все накопившиеся факты с тем, чтобы дать полный ответ на продолжающий оставаться острым вопрос о роли византийского влияния на развитие древнерусской архитектуры»⁷. Данное замечание остается в силе и сегодня. Немаловажное значение имеет и масштабность задачи. В связи с этим считаем, что изучение византийского влияния в архитектуре каменных храмов Киева конца X – XI в., в период, часто именуемый в научной литературе «эпохой империи Рюриковичей»⁸, остается до сих пор актуальным.

Насколько исследована проблема на сегодняшний день? К началу XVIII столетия, в период петровских преобразований, в Российской империи предпринимаются энергичные меры, стимулирующие развитие отечественной науки. По замечанию известного русского археолога Н. В. Покровского, «начиная со времен Петра I мы видим ряд правительственных мероприятий, направленных в эту сторону (т. е. сохранения и исследования памятников старины. – А. К.); они повторялись в продолжение всего XVIII в.»⁹. В значительной мере деятельность по изучению памятников церковного зодчества определило учреждение Петром I в 1724 г. Академии наук. В соответствии с Генеральным регламентом, в

---

⁷ *Раппопорт П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры. С. 185–186.

⁸ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. Л., 1953. С. 283.

⁹ *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. СПб., 1906. № 4. С. 481.

1720-е гг. в России были впервые начаты систематические работы по инструментально-картографической съемке страны. Руководство ими возглавил русский ученый и государственный деятель И. К. Кирилов. Собираемые материалы он использовал при составлении книги «Цветущее состояние Всероссийского государства» (СПб., 1727), ставшей первым экономико-географическим описанием Российской империи. Данный труд И. К. Кириллова можно считать и первым систематическим описанием архитектурных памятников церковного зодчества Русской Православной Церкви.

Выдающееся место в исследовании памятников церковного зодчества 1-й половины XVIII в. принадлежит В. Н. Татищеву, лично занимавшемуся изучением древнерусской архитектуры Киева, Владимира и Новгорода, что нашло отражение в таких его трудах, как «История Российская» (М., 1768–1784) и «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской» (СПб., 1793). Сведения о древнерусских архитектурных сооружениях постепенно получили широкое распространение.

В 1760 г. М. В. Ломоносов предлагает организовать исследование памятников церковного зодчества в древних городах Руси – Киеве, Чернигове, Новгороде, Пскове, Владимире, Суздале, Москве, Твери, Рязани, Смоленске, Переяславле-Залесском и Ростове Великом – и подает об этом «представление» в Академию наук. Однако предложение М. В. Ломоносова остается без внимания.

К концу XVIII столетия в научном обществе интерес к древнерусской архитектуре возрастает. Но особую заинтересованность вызывают сохранившиеся сооружения, а поскольку это были главным образом памятники культуры XVI–XVII вв., то естественно, что домонгольскому периоду уделяется гораздо меньше внимания.

Древнейший период развития русского зодчества для архитекторов и историков этого времени, по существу, был представлен несколькими сооружениями – Успенским собором Киево-Печерской лавры, Киевской Софией, Новгородской Софией, Черниговским Спасским собором, храмами во Владимире.

В 1791 г. опубликован труд Киевского митрополита (1783–1796) Самуила (Миславского) «Историческое описание Киевопечерския лавры», неоднократно затем переиздававшийся. Это не только первое систематизированное описание Киево-Печерской лавры, издание включает в себя и другие разделы, касающиеся церковных древностей Киева. Митрополит Самуил дает очень подробную их характеристику с указанием дат поновлений, ремонтов, перестроек и т. п. В частности, относительно Успенского собора – «Великой Лаврской церкви» – митрополит пишет следующее: «Сия великолепнейшая и достопамятнейшая церковь и монастырь... во время нашествия на Киев татарскаго хана Батия, разорены, и всего благолепия обнажены. Он... все имение церковное и монастырское похитил... верхи церков-

ные... до самых окон сломать повелел, оставив одне только развалины. Пребывала она в таком жалостном положении 200, а по повествованию других 233 года.

1470 года благоверным князем Киевским и Слуцким Симеоном Александровичем Олельковичем обновлена и освящена при архимандрите Иоанне. Но и сего украшения разновременно, по причине нападения татар и других неприятелей, лишалась, но тщанием настоятелей и подаянием благодетелей возобновляема была»¹⁰.

Постепенно ценность памятников древней церковной архитектуры именно как памятников завоевывает признание. Некоторые исследователи уже прямо формулируют для себя задачу изучения развития древнерусской архитектуры. В 1809–1810 гг. состоялось «ученое путешествие по России» археолога и историка К. М. Бороздина и сопровождавших его А. И. Ермолаева, рисовальщика Д. И. Иванова и архитектора П. С. Максютин. Это была первая попытка целенаправленного изучения памятников древнерусского зодчества. Результатом путешествия стали альбомы рисунков и чертежей древних культовых зданий (в том числе рисунок руин киевской Десятинной церкви, обмерные чертежи Софии Киевской, черниговских Спасского и Елецкого соборов, церкви Георгия в Старой Ладогe), а также планов посещенных городов. К сожалению, альбомы эти не были опубликованы и

---

¹⁰ [Самуил (Миславский), митр.]. Краткое историческое описание Киевопечерских лавры. К., 1795. С. 16–18.

даже сведения о них проникли в научную литературу только в конце XIX в. С 1846 г. начали выходить в свет выпуски первого в России издания, специально посвященного древнерусским архитектурным сооружениям, – «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества»¹¹.

Этот научный труд был претворен в жизнь московским археологом А. А. Мартыновым в тесном сотрудничестве с знатоком русских древностей И. М. Снегиревым. По оценке современного российского историка архитектуры Е. И. Кириченко, «ими совместно были осуществлены издания, составившие эпоху в изучении русских древностей и русской архитектуры»¹².

В 1850 г. одновременно в шести выпусках выходит книга основоположника научной реставрации в России Ф. Ф. Рихтера «Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах и разрезах замечательнейшими деталями каменной высеки и живописи». Здесь произведения древнерусской архитектуры зафиксированы уже не в рисунках, а в документальных чертежах. Согласно Е. И. Кириченко, труд Ф. Ф. Рихтера «органично вписывается в культурную ситуацию середины XIX в. и еще бо-

---

¹¹ Репринтное издание в трех томах вышло в издательстве «Альфарет» (СПб., 2008).

¹² Кириченко Е. И. «Памятники древнего русского зодчества...» Ф. Ф. Рихтера в контексте русской культуры середины XIX в. // Забытый зодчий Ф. Ф. Рихтер. К 190-летию со дня рождения. Труды Государственного исторического музея. Вып. 117. М., 2000. С. 42.

лее определенно – 1850-х гг. Он представляет широко распространенный в 1840–1850-е гг. тип историко-археологических изданий типа увражей»¹³, т. е. снабжен богатым изобразительным материалом, представляющим виды, чертежи и обмеры древних зданий, но, в отличие от других подобных произведений, труд Рихтера рассматривали как главное пособие архитекторам, проектирующим в русском стиле. К этому же периоду относится деятельность киевского археолога, историка, краеведа Н. М. Сементовского.

Сам он о себе свидетельствовал: «С 1851 г. я непрерывно занимаюсь изучением г. Киева во всех его научных отношениях. С того года, в продолжение 25-ти лет, издано мною 5 раз (1852, 1863, 1864, 1871 и 1876 г.) его описание, исправляемое при каждом новом выходе, по замечаниям достойных критиков, дополняемое собственными исследованиями и указаниями компетентных лиц в познании киевских древностей»¹⁴.

Еще более интенсивное развитие историко-архитектурной науки начинается с 70-х гг. XIX в. При этом заметно повышается и научный уровень исследований. Важную роль в деле изучения памятников древнего зодчества сыграли археологические съезды. В то время под археологическим изучением понимались не столько археологические раскоп-

---

¹³ Там же. С. 43–44.

¹⁴ *Сементовский Н.* Киев, его святыни, древности, достопамятности и сведения, необходимые для его почитателей и путешественников. К., 1900. С. V.

ки зданий, сколько их детальное архитектурное изучение. В 1871 г. выходят в свет «Труды I Археологического съезда», где публикуется целый ряд статей по церковным домонгольским постройкам.

Вскоре появляется обстоятельная работа Н. А. Артлебена «Древности Суздальско-Владимирской области, сохранившиеся в памятниках зодчества в пределах Владимирской губернии» (Владимир, 1880), в которой дается обзор 11 памятников Владимиро-Суздальского княжества XII–XIII вв. На III Археологическом съезде, проходившем в Киеве в 1874 г., особое внимание уделяется памятникам Киевской земли. В издании «Христианских древностей» (СПб., 1875) под редакцией В. М. Прохорова, а затем в статьях протоиерея П. Лебединцева и П. А. Лошкарева рассмотрены все сохранившиеся древние архитектурные сооружения Киева и даже сделаны попытки дать некоторые обобщения. В архитектурных журналах всё чаще стали появляться статьи и информация об исследовании древних храмовых зданий.

Внимание к памятникам древнерусского зодчества определялось не одними только научными целями, но и практическими нуждами. Они заключались в необходимости реставрировать древние храмы, используемые по их прямому назначению. В 70–80-е гг. XIX в. это часто было связано и с попытками создания нового, современного национального стиля церковной русской архитектуры. Академические вопросы истории архитектуры приобрели актуальность и остроту еще

и потому, что оказались тесно связанными с перипетиями идеологической борьбы славянофилов и западников. В конце столетия дискуссия о самобытности древнерусского зодчества несколько утихла, но непосредственная связь изучения архитектурных сооружений прошлого с нуждами современного строительства оставалась непоколебленной.

В 1895 г. Российская академия художеств начинает издавать серию книг «Памятники древнего русского зодчества» — плод исследований академика архитектуры В. В. Суслова. Здесь публикуются описания, чертежи, обмеры и изображения главным образом сооружений XVI–XVII вв., а храмовые здания домонгольской эпохи составляют очень незначительную часть. Как и прежде, в издание включаются только полностью сохранившиеся постройки и совершенно не учитываются памятники, открытые раскопками. Между тем уже ко 2-й половине XIX в. было осуществлено несколько достаточно серьезных археологических раскопок остатков храмов домонгольского времени. Раскопки вели большей частью местные краеведы, но иногда работали и специалисты, в частности А. В. Прахов во Владимире-Волынском.

К концу XIX в. некоторые исследователи впервые поставили перед собой задачу не просто давать описание памятников или характеризовать различные архитектурные школы, а вырабатывать общий взгляд, по выражению В. В. Суслова, «на ход искусства, на его, так сказать, внутреннюю жизнь»¹⁵.

---

¹⁵ Суслов В. В. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитек-

Первым это попытался осуществить академик А. М. Павлинов в своем труде «История русской архитектуры» (М., 1894).

В этот период попытки объяснения особенностей памятников русской архитектуры привели некоторых ученых к созданию так называемой *концепции заимствований*, согласно которой русское храмовое зодчество (а в некоторых случаях и другие виды церковного искусства) рассматривалось как некий конгломерат заимствованных извне элементов. Такая точка зрения приводила к выводу о несамостоятельности и вторичности русской архитектуры. Одним из наиболее ярких приверженцев концепции заимствований был известный меценат и государственный деятель XIX в. С. Г. Строганов.

Ответом на концепцию заимствований явилась *теория самобытности русской архитектуры*, наиболее полно сформулированная в трудах знаменитого русского археолога и историка, одного из создателей и первого руководителя Государственного исторического музея в Москве И. Е. Забелина, в частности в книге «Русское искусство. Черты самобытности в русском зодчестве» (М., 1900), оказавшейся наиболее содержательным и программным сочинением для науки о древнерусской архитектуре 2-й половины XIX в. Исследования И. Е. Забелина касались главным образом эпох Киевской Руси (X – XIII вв.) и становления Московского государства (XIV–XVII вв.). Само появление оценки русского

храмового зодчества как исключительно самобытного архитектурного явления связано с именем директора Московского дворцового архитектурного училища, а впоследствии одного из энтузиастов-инициаторов появления в России первого архитектурного общества – Московского – М. Д. Быковским. Развивая взгляды М. Д. Быковского, И. Е. Забелин взял за основу своей концепции признание за народом самостоятельной роли в истории. Он видел большую роль традиций. Важным аргументом для доказательства самобытного характера древнерусской архитектуры И. Е. Забелин полагал тот факт, что формы каменной архитектуры Средневековой Руси являлись вторичными по отношению к деревянным. Он первым из исследователей усмотрел зависимость между формами зодчества и особенностями быта и общественного уклада, народной жизни, эстетических предпочтений и вкусов, а также природно-климатических и строительно-технических факторов, и это явилось новым словом в науке о русской архитектуре. Ускорение темпов развития историко-архитектурной науки сопровождалось ростом научного уровня исследований. К началу XX в. были проведены такие серьезные работы, как реставрация и восстановление первоначальных форм церкви Спаса Нередицы в Новгороде (XII в.).

Их автор П. П. Покрышкин – основоположник научного метода исследований и реставрации архитектурных памятников – произвел детальные исследования еще целого ряда древних памятников, в частности Васильевской церкви

в Овруче (XII в.), храма Спаса на Берестове в Киеве (конец XI – начало XII в.) и др., причем в большинстве случаев эти исследования сопровождались раскопками. Следует отметить тщательно разработанную методику детальных обмеров древних памятников, впервые осуществленную П. П. Покрышкиным в натуре.

Первоклассные по методике раскопки древних построек, в том числе участка фундаментов Десятинной церкви (X в.), провел Д. В. Милеев. Все эти работы производились уже как чисто научные исследования.

С 1910 г. начала издаваться 16-томная «История русского искусства» И. Э. Грабаря, в первом томе которой, помимо общего введения, изложена история русской архитектуры от древнейших времен до расцвета архитектуры Московской Руси. В написании разделов кроме самого И. Э. Грабаря принимали участие Г. Г. Павлуцкий, А. В. Щусев, В. А. Покровский. Подготовленная на высоком для своего времени научном уровне и прекрасно изданная «История русского искусства» как бы подвела итоги изучения древнерусского зодчества в дореволюционный период.

В послереволюционные годы характер изучения древнерусского церковного зодчества существенно меняется. Гораздо больше внимания стало уделяться общим проблемам развития архитектуры. Прежде исследователи даже в самых серьезных трудах, как правило, не пытались установить характер изменения архитектурного стиля, ограничиваясь из-

ложением фактической стороны дела, т. е. описанием построек и в лучшем случае определением культурных влияний. Обстоятельные исследования памятников Киева, Чернигова, Полоцка, Смоленска 1920–1930-х гг. принадлежат И. В. Моргилевскому, Н. И. Брунову, И. М. Хозерову и др. В этот период впервые делаются попытки разобраться в закономерностях развития архитектурных форм.

На смену архитекторам приходят искусствоведы. Их исследования, и в первую очередь труды А. И. Некрасова и Н. И. Брунова, значительно продвинули вперед разработку основных проблем истории древнерусского зодчества. Благодаря новому подходу к памятникам, начали слагаться общие представления о формировании зодчества как единого художественного явления. К сожалению, искусствоведческий анализ на этом этапе еще оторван от конкретного исследования материальной и конструктивной основы сооружений и порой приводит к созданию отвлеченных, искусственных схем развития архитектуры. На эту опасность с тревогой указывали архитекторы – историки архитектуры, в частности Н. Б. Бакланов, И. Б. Михаловский, Г. И. Котов и др.

Со 2-й половины 1930-х гг. наблюдается заметное оживление археологических исследований памятников древнерусского зодчества. Раскопки М. К. Каргера в Киеве и Н. Н. Воронина в Боголюбове послужили началом нового этапа в изучении храмовой архитектуры домонгольской Руси. Однако в полной мере эта работа развернулась только после

окончания Великой Отечественной войны.

Задача широкого и планомерного археологического раскрытия памятников древнерусского зодчества была поставлена уже на I Всесоюзном археологическом совещании, состоявшемся в Москве в 1945 г. В последующие годы архитектурно-археологическая деятельность получила чрезвычайно широкий размах. Раскопки памятников зодчества X–XIII вв. стали проводиться в крупных древнерусских городах. Значительное увеличение количества вводимых в научный оборот построек позволило рассматривать развитие архитектуры различных районов Древней Руси уже исходя из познания не единичных примеров, а целых серий памятников, что дало возможность опираться если не на массовый, то, во всяком случае, на достаточно обширный материал. Ведущая роль в исследовании домонгольского периода истории русской архитектуры перешла к археологам. Однако, по замечанию П. А. Раппопорта, «археологические раскопки могут вводить в научный оборот только нижние части древних зданий. Чтобы яснее представить первоначальный облик памятников, необходимо, очевидно, сопоставлять археологические данные с исследованием сохранившихся построек»¹⁶. Работы такого рода, выполняемые архитекторами-реставраторами, получили во 2-й половине XX в. значительное развитие.

Консервация и реставрация древних сооружений обя-

---

¹⁶ Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. С. 75.

зательно сопровождалось детальным изучением и по возможности реконструкцией первоначального облика. Эти реконструкции обычно выполнялись лишь графически, но в нескольких случаях восстановление было исполнено и в натуре: Пятницкая церковь в Чернигове и Петропавловская в Смоленске (П. Д. Барановский), Борисоглебская церковь в Чернигове (Н. В. Холостенко), Пятницкая и Спасо-Нередицкая церкви в Новгороде (Г. М. Штендер). Между архитекторами-реставраторами и археологами установился самый тесный контакт. Важнейшим вкладом, внесенным археологами в изучение истории архитектуры в XX в., является исторический подход. История древнерусской архитектуры стала рассматриваться как неотъемлемый элемент истории культуры, в неразрывной связи с социально-экономической и политической историей Руси, становлением литературы и других видов искусства. Такой подход позволил понять многие стороны в развитии зодчества, ранее совершенно не привлекавшие внимания исследователей.

Н. Н. Воронин одним из первых указал на то, что в раскрытии смысла архитектурного образа основополагающее значение имеют параллельное изучение современной данному памятнику (или группе памятников) литературы и как можно более полное привлечение всех сведений об исторической обстановке, в которой возникло данное архитектурное произведение. Он отмечал, что «исследователь обязан по возможности полно и точно осознать уровень понятий и

характер представлений человека изучаемого времени и от этих данных подходить к анализу идейного содержания каждого памятника. Он обязан по возможности приблизиться к современным представлениям и уровню понятий, отнюдь не навязывая человеку давно минувшей эпохи своих эмоций и взглядов. Именно этот путь конкретно-исторического анализа обеспечивает раскрытие объективного содержания данного памятника или их группы»¹⁷.

Вместе с тем, однако, стало ясно, что чисто исторический подход не может дать целостное представление о ходе развития архитектуры. Для раскрытия общей картины истории древнерусского зодчества совершенно необходимо продолжение и углубление искусствоведческого анализа памятников.

---

¹⁷ *Ворошин Н. Н.* Архитектурный памятник как исторический источник (Заметки к постановке вопроса) // Советская археология. Т. XIX. М., 1954. С. 55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.